

Марина
Степнова

—
странные
женщины
—

Марина
Степнова

КОТ

Блед

Рассказы

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУВИНОЙ

Издательство
АСТ
Москва

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С79

Художник Владимир Мачинский

Издательство благодарит литературное агентство
“Banke, Gouten & Smirnova” за содействие в приобретении прав

Степнова, Марина Львовна.

С79 Кот Блед : рассказы / Марина Степнова. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2026. — 252, [4] с. — (Марина Степнова: странные женщины).

ISBN 978-5-17-183303-9

“Кот Блед” — новый сборник Марины Степновой, автора бестселлера “Женщины Лазаря” (премия “Большая книга”), романов “Сад”, “Хирург”, “Безбожный переулочок” и сборника “Где-то под Гроссето”. Рассказы о хрупкости бытия, предчувствии и незримости катастроф, но главное — о маленьких людях, которые справляются несмотря ни на что.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-183303-9

© Степнова М.Л.
© ООО “Издательство АСТ”

Содержание

Бабушка

7

Белый унитаз

23

Ма и Бе

37

Радость

46

Ананас

96

Ебобо

119

Кот Блед

190

Бабушка

Жизнь похожа на подзорную трубу. Сперва ты долго смотришь в будущее, замирая, предвкушая, ищешь глазами свою дорогу, вымощенную желтым кирпичом, надеешься, спешишь, потому что там, впереди, ждет, самую чуточку подернутый туманом, великолепный дворец, и сад, и ворота, увитые небывалыми цветами. И ты все прибавляешь и прибавляешь шаг, пока не понимаешь вдруг, нет, даже не понимаешь, а всем собой чувствуешь, куда на самом деле спешишь. На том конце трубы, за линией горизонта, — смерть, твоя собственная, единственная, персональная. Боль-

ше впереди нет ничего. Совсем. Но поскольку ни осознать, ни принять это невозможно, труба волшебным образом переворачивается — и ты начинаешь вглядываться в собственное детство.

Этот переворот полон такого высокого милосердия, что хочется плакать.

Просторная комната на четыре окна. Пузатый телевизор на хрупких ножках. Мону-ментальное трюмо. Диван под белым полотняным чехлом с подушками-валиками. Идеально заправленная кровать со сверкающими шарами — днем на нее смотреть нельзя, не то что присесть. Уложенные пирамидой подушки под кружевной накидкой. Кружево работы прабабушки Симы. Все женщины в нашей семье — рукодельницы. Традиция. Мережка, гладь, ришелье. Шов стебельчатый. Французский. Вперед иголку. Шелк. Шерсть. Радостная путаница мулине. На моих вышивках до сих пор не отличить от лица изнанку. Но плести кружева я уже не умею. Не успела.

А вот дочь моя отказывается брать в руки иголку. Я не неволю — зачем? Пусть делает то, что ей нравится, — но втихомолку грущу.

Ткань целого рода потрескивает, истончается, ветшает.

Когда уходит традиция, все теряет всякий смысл.

Подоконники в комнате — в выхоленных, раскормленных цветах, поливать их — по сложной схеме, особым образом отстоянной и настоянной водой — наша с Лариской каждодневная обязанность. Снаружи, за окнами, — воронежское лето, многосложное, многоцветное, огненный пирог со всеми начинками сразу. Бабушкин палисадник привстает на цыпочки, заглядывает в дом — розы, розы, тигровые лилии, флоксы, снова розы. Пахнет цветами, выскобленным деревянным полом, нагретой за день землей и едва-едва, но все настойчивее — маттиóлой и табаком.

Скоро вечер.

Бабушка входит в комнату — маленькая, полная, быстрая, кудрявая. Старая — как и положено бабушке. На самом деле — чуть-чуть постарше меня сейчас. В руках у бабушки — два одинаковых дуршлага, белых, эмалированных, прохладных. В каждом — только что собранная клубника. Внизу — мелкая, совсем темная, спелая, наверху — покруп-

нее, рябая, с беловатыми носиками и бочками. Самая большая клубничина, громадная, бутристая, словно анатомическое сердце из маминой медицинской книжки, разрезана пополам. По одной половинке на каждый дуршлаг. Остальные ягоды можно не считать — их тоже поровну.

Бабушка с микронной точностью разрезает нам с Лариской на две части каждое яблоко, каждую грушу. Сливы разламывает надвое. Крыжовник и вишню кладет по счету. Счет огромный — мы с Лариской прожорливы, но даже если бабушке придется отсчитывать по сотне ягод каждой, можно не сомневаться — она отсчитает.

Поровну — любимое бабушкино слово.

Бабушка — богиня справедливости.

Мы с Лариской получаем одинаковые подарки и одинаковые открытки, написанные идеальным круглым почерком школьной учительницы. Мы читаем одинаковые книжки (вечером), делаем одинаковые упражнения и примеры (до и после обеда), учим одинаковые стихи (по одному в день, чтобы память была хорошая). Еще мы вышиваем одинаковые салфетки — непременно гладью, чтобы

развивать не только терпение, но и воображение.

На дворе — 1976 год. Бабушка — настоящий педагогический гений.

Она честно делает все, чтобы обе ее внучки были равны. Но даже у нее не получается.

Мы с Лариской накидываемся на клубнику, сок течет по подбородкам, по загорелым животам, по рукам — до самых локтей — ползут страшноватые кровавые дорожки. Ревниво и завистливо косимся друг на друга. Клубники, конечно, поровну, но стратегии-то разные. Можно слупить свой дуршлаг быстро, а можно — врасстяжечку, не спеша. Можно начать с мелкой и закончить циклопической половинкой царь-ягоды, а можно — наоборот. Мы с Лариской — стихийные и принципиальные противницы равенства. Нам нравится соперничать.

Мы — разные. И точка.

Нам по пять лет — мы двоюродные сестры, погодки. Лариска высокая, я — коротышка. У меня — косы почти до колен, у Лариски — пушистое каре. Она — светлая. Я — темная. Она — от сына. Я — от дочки. Есть еще одна разница: Лариску бабушка любит

сильнее. Это не проявляется никак и ни в чем, но я это чувствую. Знаю. И бабушка тоже знает. Возможно, ее стремление к абсолютной справедливости — от чувства вины.

Я в зените своей детской мудрости и потому понимаю в любви побольше взрослых. На бабушку я не обижаюсь. Она не виновата. Я сама люблю суп (куриный, с петрушкой и звездочками), а не борщ. Это не потому, что борщ невкусный, а — нипочему. И ни я, ни суп и ни борщ в этом точно не виноваты. Сердцу, как говорит бабушка, не прикажешь.

Мы с Лариской дружим, но и ссоримся, конечно, иначе — скучно. Хотя у бабушки особо не заскучаешь — наша летняя жизнь расписана поминутно. Все делается по расписанию — от подъема в восемь до отбоя в девять. Завтрак, занятия, игры, обед, тихий час (можно не спать, а просто тихонько лежать), снова занятия, работа в огороде или по дому, игры, снова занятия, ужин, чтение, спать. С четырех лет мы умеем не только вышивать, но еще и читать и считать, знаем таблицу умножения, определяем время по настоящим часам (бабушка выделила каждой по увеси-

стому будильнику) и чистим настоящую картошку настоящими острыми ножиками. Бабушка научила нас всему, что есть мы.

Сама она вставала в пять утра — всегда. Два палисадника с ягодами и цветами, огород, сад, куры. С сентября до мая — еще и уроки, стопки школьных тетрадей, в клеточку, в полосочку, с промокашками, розовыми, рыхлыми, я всегда мечтала стянуть хоть одну, но так и не рискнула. Бабушка умела и успевала все: колола дрова, таскала воду с колонки, поливала, вскапывала, окучивала, собирала, опускала в погреб, солила, квасила, варила, сушила.

Всё — одна. Сама. Дед умер рано. Совсем молодой.

Каждое утро мы с Лариской просыпались от жирного золотого запаха теста. Бабушка всегда жарила на завтрак пышки, оладушки или сырники. Сметана в миске. Простокваша глыбками. Сырники я любила больше всего, они были особенные, загорелые, тягучие внутри.

Сколько я ни пыталась, так и не смогла потом приготовить такие ни разу. За всю

жизнь. И у мамы такие не получались. Только у бабушки. Самая вкусная в мире жареная картошка. Янтарные кубики тыквы в чугушке, посмотришь на свет — почти прозрачные, а на вкус — совершенно цукаты. Голубцы, спеленутые как младенцы. Пшенная каша. Русская печка. Керосин в канистре. В сѣнцах — закопченный керогаз.

Стройная кристаллическая решетка огромного дня, сверкающая, незыблемая, иногда чуть сдвигалась, но основа, колыбель мира, все равно оставалась на месте. Просто время от времени мы ходили в гости к бабушкиным подругам — снимать пробу с нового варенья или знакомиться со щенком. Или на кладбище, к дедушке и другим нашим. Еще — в библиотеку, за свежими книжками. Это немного меняло расписание, но неизменно в нем находилось несколько часов нашего собственного, детского времени, в котором нет правил и запретов и можно играть во что угодно или просто валяться под старой грушей, уставившись в пятнистую солнечную крону или дрессируя нерасторопного жука.

Самые лучшие часы моей жизни.

Раз в неделю, в воскресенье вечером, бабушка просматривала телевизионную и радиопрограмму и синими строгими галочками отмечала то, что стоит послушать и посмотреть. В нужный час в комнате появлялись три табуретки. Большая, в центре, для бабушки, две маленькие, одинаковые, по краям, — для нас с Лариской. Я совершенно не помню, что именно мы смотрели, наверно мультики или детское кино, телевизор всегда был для меня скучнейшей и малопонятной штукой, но до сих пор ощущаю щекой бабушкину прохладную руку. Короткий ситцевый рукав. Родинка повыше локтя. Украденная ласка. Прижаться. Притиснуться.

Закрыть глаза. Ни разу в жизни бабушка не повысила на нас голос, не закричала, не шлепнула. Но ни разу и не поцеловала.

Некогда. Незачем. Разбаловать легко, а что дальше?

Вообще бабушка была строгая. Умела посмотреть, просто посмотреть так, что взрослые крепко пьющие мужики сглатывали и рефлекторно втягивали животы. Джулька, рыжая толстая собака тети Рины, не евшая